

76-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перед Первой мировой войной белорусские земли так же, как и земли Малороссии, Царства Польского, Лифляндии и Курляндии являлись форпостом Российской империи на Западе и в первые же дни по объявлении Германией войны России находились на военном положении. В мобилизации, сосредоточении и развертывании войск для начала военных действий большую роль играл временной фактор. Особенно актуально это было для Российской империи с ее огромным территориальным пространством и слабо развитой сетью железных дорог. Поэтому первейшая роль в сосредоточении и развертывании войск для начала военных действий отводилась соединениям и частям, дислоцировавшимся на территориях, сопредельных территориям враждебных государств – Германии и Австро-Венгрии. На территории белорусских губерний таковыми являлись дислоцировавшиеся тут четыре корпуса со своими дивизиями и полками. Кроме того, здесь формировались две второочередные дивизии – 75-я и 76-я пехотные.

В данной статье речь будет идти о боевом пути и участии в сражениях 76-й пехотной дивизии, в состав которой входили 301-й Бобруйский, 302-й Суражский и 303-й Сенненский пехотные полки, сформированные из мобилизованных чинов запаса Витебской, Могилёвской и Минской губерний [1, с. 73].

Формирование полков производилось в соответствии с мобилизационным расписанием с 18 июля 1914 г.: 301-го Бобруйского и 302-го Суражского – в Бобруйске, 303-го Сенненского – в Могилёве. Для их организации выделялись «кадры» из офицеров и нижних чинов, квартировавшихся в Бобруйске, 157-го Имеретинского и 158-го Кутаисского, в Могилёве – 159-го Гурийского пехотных полков. Командирами полков были назначены соответственно полковники Глаголев, Буйвид и Шушеров.

Комплектование полков личным составом, обмундированием, снаряжением и перевозочными средствами (конями и повозками) производилось одновременно по предварительно составленным расписаниям и было завершено 26–27 июля, об этом и о готовности к выступлению в поход командирами полков было доложено начальнику 76-й пехотной дивизии генералу Я. Д. Юзефовичу. В то же время с личным составом проводились занятия по строевой, огневой и тактической подготовке [2, л. 12].

С 1 по 6 августа полки железнодорожными эшелонами были отправлены в Гродно. По прибытии батальоны 301-го Бобруйского и 303-го Сенненского полков несли гарнизонно-караульную службу в городе, на фортах и опорных пунктах крепости, выполняли работы по усовершенствованию позиций. 302-й Суражский полк 11 августа был командирован для сопровождения 76-й артиллерийской бригады в Восточную Пруссию, где в районе крепости Летцен принимал участие в сражении с германскими войсками, понес потери до половины личного состава убитыми и ранеными – 1 800 человек. Затем вместе с другими частями 1-й армии Северо-Западного фронта полк под давлением и ударами противника отступил в пределы российской территории и был направлен в крепость Гродно [1, с. 78–79].

303-й Сенненский полк был отправлен из Гродно в Августов Царства Польского в середине октября 1914 г., где поступил в распоряжение командира 22-го армейского корпуса, по приказу которого неоднократно направлялся на поддержку частей 1-й и 2-й финляндских бригад и 4-го финляндского полка, сражавшихся в Восточной Пруссии, несли потери в личном составе убитыми и ранеными [3, л. 30–35].

В последних числах ноября 1914 г. 303-й Сенненский полк был назначен в распоряжение командира 26-го армейского корпуса. Батальоны полка были сменены на позициях финляндскими частями и передислоцированы в новый район вдали от передовых позиций. 6 декабря приказом командира корпуса полк был передан в распоряжение начальника 84-й пехотной дивизии. Батальоны полка сменили на позиции части этой дивизии, попеременно занимали боевую линию, занимались укреплением позиции, разведкой неприятельского расположения [4, л. 43].

301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии были отправлены из Гродно 8 и 9 ноября 1914 г. в район г. Сохачёв (западнее Варшавы), принимали участие в сражениях в районе Ловича. Подразделения полков неоднократно выделялись командованием на поддержку частей 2-го, 6-го и 22-го армейских корпусов, несли потери [5, л. 13–59].

Принимая участие в сражениях 1914 г. разрозненно, части 76-й пехотной дивизии по прибытии 303-го Сенненского полка из Восточной Пруссии воссоединились в январе 1915 г. и почти ежедневно продолжали борьбу с противником на территории Царства Польского до «великого отступления» русских войск вглубь территории своей страны [6, л. 1–64]. В ходе отвода с июня по сентябрь 1915 г. личный состав частей 76-й пехотной дивизии вместе с другими мужественно и самоотверженно сдерживал натиск противника, принял деятельное участие в ликвидации Свенцянского прорыва германских войск [1, с. 112–118].

Со стабилизацией линии фронта в конце сентября 1915 г. по линии Двинск – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск 76-я пехотная дивизия заняла позиции в промежутке озер Нарочь и Вишневецкое по линии деревень Тарасовичи, Спягло, Иваньки, Островляны, Лыцевичи. С наступлением зимнего времени крупных наступательных операций противоборствующие стороны не предпринимали. Главным стало удержание занятых позиций и их укрепление, строительство и оборудование землянок, блиндажей и оборонительных сооружений, несение боевой и сторожевой службы.

Во второй половине февраля – по 6 марта части 76-й пехотной дивизии распоряжениями командования перемещались в район расположения Северной группы войск генерала М. М. Плешкова, приступивших к осуществлению Нарочской наступательной операции соединениями русской 2-й армии. 7 марта начальник 76-й дивизии своим приказом поставил в известность части о поставленной им задаче сменить части 22-й пехотной и 1-й Сибирской стрелковой дивизий на участке фронта Микулишки – Бучелишки, уже принимавших участие в наступлении и понесших большие потери, занять их позиции как исходное положение для общей атаки, подготовленной артиллерийским огнем.

8 марта в 4 часа 301-й Бобруйский полк и часом позже 302-й Суражский полк перешли в наступление. Батальоны полков заняли окопы противника, но перекрестным обстрелом не подавленных огневых точек противника были выбиты и отошли в исходное положение с огромными потерями: 18 офицеров и 1 100 нижних чинов [6, л. 3–10]. В последующие дни, 10–12 марта, наступление полков 76-й пехотной дивизии дважды намечалось и отменялось. Тем временем немцы предпринимали попытки наступления, подтянув резервы. 13 марта батальоны 301-го Бобруйского полка при поддержке роты 303-го Сенненского полка снова перешли в наступление и частично заняли неприятельские окопы, но, как и в первом случае, были «сметены» артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем неприятеля. В этом бою 301-й Бобруйский полк потерял убитыми и ранеными 9 офицеров и около 600 нижних чинов. В 302-м Суражском полку за все время боев с 8 по 13 марта из строя выбыли убитыми и ранеными 16 офицеров и 995 нижних чинов. Кроме того, 215 солдат пропали без вести [6, л. 20; 7, л. 22]. Всего в ходе Нарочской наступательной операции части 76-й пехотной дивизии по неполным данным потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 50 офицеров

и 3 060 нижних чинов. Причинами неудач в наступательной операции частей 76-й пехотной дивизии, несмотря на упорство, мужество и самоотверженность личного состава, являлись слабость артиллерийских средств, не сумевших подавить огневые точки противника, и плохое управление войсками командованием, направлявшим части на один и тот же укрепленный участок неприятельской позиции, а также отсутствие своевременной поддержки наступавших резервами.

После предпринятых наступлений части 76-й пехотной дивизии на несколько дней были отведены с линии фронта в тыловой район, где они приводились в порядок и пополнялись поступавшими маршевыми ротами. А 22 марта по приказу начальника дивизии 302-й Суражский и 303-й Сенненский полки выступили из мест стоянки и заняли позиции в боевой линии в районе Постава от д. Можейки до д. Авласы.

301-й Бобруйский полк до середины мая оставался в корпусном резерве. За участие в сражении 8 и 13 марта 112 нижних чинов полка были награждены Георгиевскими Крестами [6, л. 24]. Батальоны полка пополнялись прибывшими из тыла маршевыми ротами. В полку имели место заболевания личного состава сыпным тифом. В связи с этим отдельные подразделения полка до выздоровления солдат находились в «изоляционном лагере». Только в ночь на 15 мая, в соответствии с приказом по штабу 76-й дивизии, батальоны полка заняли позиции по линии деревень Можейки – Хотилы – Лесные Муляры, сменив батальоны 302-го Суражского и 179-го Усть-Двинского пехотных полков.

До середины августа части 76-й пехотной дивизии оставались на прежних позициях, попеременно занимая боевую линию. Находившиеся в резерве подразделения занимались укреплением позиций, ремонтом дорог. Особенно активно действовала разведка, по приказаниям штаба дивизии стремившаяся захватить в плен солдат, выявить систему укреплений, определить наличие формирований и плотность войск противника. Архивные документы свидетельствуют, что разведывательные действия были связаны с большим риском. Из-за осторожности и бдительности противника они, как правило, сопровождалась обнаружением и обстрелами разведывательных партий, нередко несли потери убитыми и ранеными.

В то же время неприятельская пешая разведка наблюдалась значительно реже. Она, как правило, подменялась авиационной разведкой позиций частей 76-й пехотной дивизии, нередко сопровождавшейся бомбардировкой и обстрелами находившихся в боевой линии и мест расположения резервов. Почти во всех случаях авиационная разведка противника прекращалась артиллерийскими обстрелами с позиций 76-й пехотной дивизии, однако аэропланы удалялись без повреждений.

Наступательных действий противоборствующие стороны с апреля по август 1916 г. не предпринимали. Хотя опасность таковых со стороны немцев для защитников позиций 76-й дивизии с повестки дня не снималась. Штабом дивизии в свою очередь были предприняты две попытки (26 июня и 8 июля)

подразделениями 301-го Бобруйского полка атаковать позиции противника с целью захвата пленных и разрушения окопов в районе д. Можейки, окончившихся неудачей, с большими потерями в личном составе атакующих: в первом случае 6 нижних чинов убитыми и 46 ранеными, во втором – 4 человека убитыми и 58 ранеными [9, л. 17; 10, л. 2].

Большие потери в личном составе части 76-й пехотной дивизии понесли в этот период (с конца марта до середины августа 1916 г.) в результате ежедневных ружейно-пулеметных перестрелок и артиллерийских, минометных и бомбометных обстрелов противником боевой линии, мест расположения резервов, разведывательных групп и работавших на укреплении позиций. По нашим подсчетам, в журналах военных действий 301-го, 302-го и 303-го полков числится 26 человек убитых, 154 раненых, 9 контуженых и 3 без вести пропавших. Всего – 189 нижних чинов и 3 офицера.

В середине августа 1916 г. части 76-й пехотной дивизии были сменены на занимаемой позиции частями 45-й пехотной дивизии и передвинуты на север в район местечка Козяны на позиции по линии «от реки Дисны у Концыполе» – д. Смильгинишки – д. Декся. По прибытии подразделения разместились: 303-го Сенненского полка – в деревнях Пивовары, Дисна, Пупяны, Васевичи; 301-го Бобруйского полка – в деревнях к югу от оз. Богинское – Петришки, Николаево, Карчеватка, Озерявы; 302-го Суражского полка – в деревнях Воятино, Василино, Подосинники, Боровые [10, л. 4; 11, л. 58; 12, л. 44].

В ночь на 15 августа батальоны 303-го Сенненского полка заступили на позицию, заняв боевую линию от р. Дисна до д. Смильгинишки. Находившиеся в резерве подразделения занимались разведкой, изучая подступы к противнику, систему его укреплений и расположения постов, а также с целью захвата пленных.

302-й Суражский полк до 6 сентября находился в армейском резерве. С личным составом проводились занятия. Кроме того, солдаты работали на обустроивали землянки и ремонтировали дороги. 7 сентября батальоны полка сменили на позиции подразделения 303-го Сенненского полка. Находясь на позиции, личный состав, по приказанию начальника 76-й дивизии, занимался разведкой мест расположения противника, его действий, была цель захватить пленных. Действия разведчиков были неудачны, они несли потери [13, л. 3–17].

В 301-м Бобруйском полку до 11 сентября проводились занятия с личным составом. 1 сентября командующим 1-й армией в полку был произведен смотр, а 2 сентября командиром полка – инспекторский смотр. 11 сентября батальоны полка сменили на позиции 304-й Новгород-Северский полк, заняв участок от д. Дисна до р. Дисна. Находившиеся в резерве подразделения занимались укреплением позиции, разведкой противника.

На занятой позиции части 76-й пехотной дивизии, попеременно сменяясь, находились до середины декабря 1916 г. Задачами, поставленными штабом дивизии 303-му Сенненскому полку (приказом от 4 сентября), предписывалось, «сохраняя настоящее положение, [быть готовыми] дать реше-

тельный отпор противнику на занимаемой позиции, вести усиленную разведку и строгое наблюдение за противником, продолжать усиление... проволочных заграждений, постройку тяжёлых блиндажей и фланкирующих построек, а также исправление дорог и мостов... Ускорить работы по постройке и приспособлению помещений для защиты от холода...» [14, л. 39].

Архивные документы свидетельствуют, что части дивизии этим и занимались. Особое внимание уделялось разведке с целью установления мест расположения постов противника и захвата пленных. Кроме того, продолжались перестрелки противоборствующих сторон, частые артиллерийские, бомбометные и минометные обстрелы противником позиций 76-й пехотной дивизии, во время которых части несли потери: со второй половины августа до конца декабря 1916 г. были убиты 26 человек, в том числе 8 офицеров; ранены – 81 нижний чин и 1 офицер.

Таким образом, 1916 г. для частей 76-й пехотной дивизии был самым кровопролитным. В ходе Нарочской наступательной операции русской армии, в повседневных перестрелках и обстрелах противником позиций, занимаемых частями дивизии, только в полках, сформированных в белорусских губерниях (301-м, 302-м и 303-м), по нашим подсчетам, были убиты и ранены около 3 500 человек.

В начале января 1917 г. 76-я пехотная дивизия в составе 27-го армейского корпуса была передислоцирована с Западного фронта в состав 12-й армии Северного фронта и заняла отведенные ей места в районе Риги. Расквартировавшись, части дивизии были направлены в распоряжение командиров 6-го Сибирского и 43-го армейских корпусов, которыми выделялись на поддержку своих частей. Уже в пути следования в пункты назначения части дивизии подвергались артиллерийским обстрелам противника химическими снарядами. Заняв позиции 20 января, 302-й Суражский полк оборонял и укреплял их до 30 января [15, л. 3–7].

303-й Сенненский полк 17 января по приказанию начальника 76-й дивизии был направлен в распоряжение командира бригады Сибирской дивизии, который приказал выделить два батальона в распоряжение командира 12-го Сибирского стрелкового полка. Последним было приказано одним 4-м батальоном Сенненцев атаковать и выбить немцев из занятых ими окопов Сибиряков. Под ружейно-пулеметным и артиллерийским обстрелом немцев Сенненцы стремительным штыковым ударом выбили противника из занятых окопов, преследуя отступавших немцев, ворвались в их основные окопы и освободили из плена 2 офицеров и 30 нижних чинов 11-го Сибирского полка и взяли в плен 27 немцев и трофеи: 4 пулемета, бомбомет, 180 винтовок и большое количество патронов. Однако в бою сами понесли потери убитыми, ранеными и без вести пропавшими 3 офицера и 172 нижних чина [16, л. 11–12].

В последующие дни 303-й Сенненский полк по приказанию начальника 3-й Сибирской стрелковой дивизии дважды (19 и 20 января) направлялся на поддержку частей 38-й дивизии и тут же возвращался им обратно на прежнее

место за неимением надобности в поддержке. Только 22 января батальоны полка заняли позицию, сменив подразделения 38-й и 45-й дивизий. Охраняя боевую линию, личный состав занимался ее укреплением: возводил искусственные препятствия, блиндажи, окопы и ходы сообщения, находясь в 100–300 шагах от позиций немцев, которые обстреливали работавших ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, нанесли потери убитыми и ранеными до 40 человек [16, л. 15–16].

По прибытии частей 76-й пехотной дивизии в район Риги командование 27-м армейским корпусом стремилось оградить личный состав от общения с населением города, предписывало расположить подразделения в квартируемом районе более сосредоточенно, офицерам на тактических занятиях следовало «настойчиво учить людей наступлению, преодолению препятствий, захвату и закреплению за собой окопов, стрельбе, бросанию гранат, работе штыком, дозорной и сторожевой службе». Кроме обучения солдат боевым приемам, огневой подготовке, большое внимание уделялось укреплению позиций, строительству блиндажей, усовершенствованию окопов и ходов сообщения и т. д.

Командование пыталось оградить войска от проникновения сведений о свершившейся Февральской революции в стране. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский распорядился не выдавать почту в частях до особого распоряжения, пресекать всякие разговоры о событиях в Петрограде, не допускать общения солдат с гражданским населением, офицерам постоянно находиться в окопах и казармах [17, с. 17]. Командир 27-го армейского корпуса, в составе которого была 76-я пехотная дивизия, в приказе войскам от 6 марта 1917 г. предписывал офицерам: «Размещение своё... сделать возможно ближе к казарменному... этим облегчим себе задачу и священный долг наш беречь от тлетворных влияний нашего солдата...» Образно выражаясь, рекомендовал: «Не пускайте волков на овчарню и не подвергать их (солдат – М. С.) соблазну большого рядом лежащего города. Строгое соблюдение правил о посетителях, уединение от Риги» [18, л. 19].

Однако сведения о государственном перевороте в частях 76-й дивизии стали известны из прессы 3–4 марта. В документах штабов отмечено, что солдаты были «воодушевлены» свершившейся революцией, «настроение превосходное. Все ждут чего-то лучшего». Командование внимательно следило за настроением солдат. Начальник 76-й пехотной дивизии приказом от 7 марта предписал командирам частей «ежедневно доносить об этом, проводить беседы с солдатами о текущих событиях». Солдатам был объявлен манифест об отречении императора от престола, о провозглашении взявшим власть в стране Временным правительством политических свобод, и солдаты и офицеры призывались к единению.

До середины апреля в частях 76-й пехотной дивизии было относительно спокойно, если не считать случаев ареста солдатами бывшего командира бригады генерала Гальберга за то, что в день похорон погибших в дни февральской революции он приказал проводить учебные занятия; и конфликты

солдат пулеметной команды со своим начальником в 302-м Суражском полку и солдат роты 303-го Сенненского полка со своим командиром, которые улаживали полковые солдатские комитеты. Однако, как отмечалось в документах штабов, на почве требований командиров производить работы по укреплению позиций во второй половине апреля ежедневно были эксцессы из-за нежелания солдат работать. В связи с этим командование частей 76-й пехотной дивизии начало отмечать упадок дисциплины среди личного состава, рост напряженности во взаимоотношениях солдат с командным составом, снижение деятельности и проявление антивоенных настроений.

В мае части 76-й пехотной дивизии посетили делегаты из Кронштадта и Петроградского Совета, которые в своих выступлениях призывали солдат с доверием относиться к офицерам, исполнять их приказы и распоряжения, так как они исходят от Временного правительства, контролируемого Советом рабочих и солдатских депутатов, призывали к наступлению как «скорейшему способу окончания войны» [19, л. 4].

В начале июня, как отмечено в архивном документе, в подразделениях 302-го Суражского полка начали носиться «упорные слухи о передвижении 27-го корпуса». 6 июня «слухи» подтвердились приказанием командира корпуса о смене 76-й пехотной дивизии на занимаемой позиции частями 6-го Сибирского корпуса, а 9 июня приказом Верховного главнокомандующего корпус был отведен в его резерв с перемещением «в район Режица – Рушоны» и влит в состав 5-й армии Северного фронта. Передислокация частей 76-й пехотной дивизии производилась с 21 июня до 1 июля 1917 г. в район Двинска. По состоянию на 7 июля части 76-й пехотной дивизии продолжали составлять резерв Верховного главнокомандующего, а 9 июля 27-й армейский корпус был передан в распоряжение командующего 5-й армией [20, л. 1].

8 июля в части 76-й дивизии поступил приказ по 5-й армии с сообщением «о предстоящем ударе на Западном фронте в районе Крево» в направлении Вильно. Войскам 5-й армии ставилась следующая задача: «нанесение удара на фронте озеро Медум – озеро Скирна с целью захватить укрепленную полосу» противника. Затем, взаимодействуя с войсками 10-й армии Западного фронта, «развить удар в направлении железной дороги Двинск – Вильно». Нанесение главного удара по противнику было возложено на ударную группу 1-го, 13-го и 7-го корпусов. 27-й армейский корпус составлял резерв 5-й армии. Действия частей 76-й дивизии заключались в поддержке наступающих. Однако, «в связи с осложнением в дивизии (нежелание солдат наступать – М. С.) выступление было отложено». И только 13 июля 302-й Суражский и 303-й Сенненский полки по приказу выступили на смену в боевой линии 21-го Капорского и 2-го Софийского пехотных полков 1-й дивизии, «пострадавшего» в ходе наступления 13-го корпуса [Там же, л. 1].

Тем временем неудавшееся наступление русских войск и последовавшие затем июльская демонстрация протеста рабочих и солдат Петрограда и ее расстрел Временным правительством, введение смертной казни на фронте,

попытка установления военной диктатуры в стране и армии и ее провал еще более усложнили военно-политическую обстановку. В частности, в частях 76-й пехотной дивизии в сентябре боевое противостояние с противником заметно снизилось. Причем этому способствовали немцы, подбрасывая занимавшим позиции частям газеты и прокламации, призывая к братанию, прекращению стрельбы.

Социальные потрясения в российском обществе – свершение Февральской и Октябрьской революций вкупе с падением морально-боевого духа солдат из-за неудач в сражениях – в частях 76-й пехотной дивизии проявились в тех же формах, как и во всей русской армии, и привели к одним и тем же негативным последствиям: выходу солдат из повиновения командному составу, требованиям прекращения войны, отказам от несения боевой службы. Большой фактический архивный материал свидетельствует, как это использовали немцы, стремившиеся к прекращению военных действий на Восточном германском фронте, чего в конечном счете они и достигли путем заключения перемирия, а затем и мира и выхода Советской России из Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смольянинов, М. М.* Беларусь в Первой мировой войне / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларус. навука. – 2020. – 3-е изд. – 493 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2912. Оп. 1. Д. 21.
3. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 24.
4. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 25.
5. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 35.
6. РГВИА. – Ф. 2406. Оп.1. Д. 9.
7. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 43.
8. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 23.
9. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 44.
10. РГВИА. – Ф. 2910. Оп.1. Д. 45.
11. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 35.
12. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 25.
13. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 26.
14. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 13.
15. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 16.
16. РГВИА. – Ф. 2912. Оп.1. Д. 39.
17. *Базанов, С. Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия / С. Н. Базанов – М. : Наука, 1985. – 160 с.
18. РГВИА. – Ф. 2406. Оп.1. Д. 34.
19. РГВИА. – Ф. 2911. Оп.1. Д. 50.
20. РГВИА. – Ф. 2232. Оп.1. Д. 212.